ДАНИИЛ КЫЧИН

ДЕВЯТЫЙ ХВОСТ

ИМЯ НА КАПСУЛЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

16+

Даниил Кычин
Девятый хвост

https://litres.ru/74755518
SelfPub; 2026

Аннотация

Кира — разведчица последней крепости людей. Она привыкла считать тех, кто вышел за стены, и тех, кто вернулся. Однажды под землёй она находит зал с сотнями пустых капсул. На одной из них — её имя.

Одно касание — и она просыпается на чужой планете Инари. Голос в стенах зовёт её Девятой и вежливо подсказывает, что делать. В руинах святилища лежит сестра, о которой Кира ничего не знала. А с неба падает корабль людей, которые объявят её ересью.

Чтобы вернуться домой, ей придётся понять, кто сделал её такой — и кому выгодно, чтобы она слушалась.

Первая книга серии «Девятый хвост» — по вселенной игр Inari Games.

Содержание

Глава 1. Сотни пустых капсул 4
Глава 2. Имя, которое осталось 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Даниил Кычин
Девятый хвост

Глава 1. Сотни пустых капсул

Штольня кончилась раньше, чем карта.

Кира поняла это по звуку. Двадцать минут подряд её шаги отвечали ей одинаково: глухо, коротко, с железным привкусом крепёжных рам. А потом ответ пропал. Следующий шаг ушёл вперёд и не вернулся, как камень, брошенный в колодец без дна.

Она остановилась. Хвост остановился на полсекунды раньше — так было всегда, и Кира давно перестала спорить с ним по этому поводу. Белый мех у кончика чуть приподнялся, сегменты брони у основания тихо щёлкнули, разворачиваясь вправо.

— Вижу, вижу, — пробормотала она. — Не толкайся.

Фонарь на предплечье выхватил из темноты край буровой секции. Человеческой: серая краска, облупленный трафарет «С-14», под ним кто-то нацарапал ножом «не лезь». Ниже, мельче и другим почерком: «уже залез». Кира хмыкнула. Шахтёры Кассии-IV писали на стенах больше, чем в отчётах, и почти всегда честнее.

За секцией бур не шёл. Бур *врезался*. Свежая царапина

длиной в её рост тянулась по гладкой, как стекло, стене, которая не была ни камнем, ни металлом. Царапина отливала розовым. Будто стена обиделась.

Кира провела перчаткой рядом, не касаясь.

— Кто бы тут ни строил, — сказала она в пустоту, — штукатурку он выбирал без нас.

Уши дёрнулись. Внутри них, под белыми броневыми пластинами, что-то тонко звенело — не звук, а его предчувствие. Так звенит воздух перед грозой в верхних ярусах Бастиона, когда старые генераторы раскручиваются все разом. Только здесь не было генераторов. Здесь не было вообще ничего, что положено найти в двухстах метрах под картой.

Она шагнула за край секции и вышла в зал.

* * *

Зал был огромным и тихим, как собор, из которого вынесли всех святых.

Фонарь не доставал до потолка. Луч упирался во что-то высокое и рассеивался, оставляя наверху бледное сиреневое пятно. Пол уходил вперёд ровными уступами, а на уступах рядами — десятками, сотнями — стояли капсулы.

Каждая была длиной в человеческий рост и чуть шире. Наклонные, гладкие, с тем же розоватым отливом, что и сте-

на. Крышки — прозрачные, как лёд, который ещё не решил, лёд он или вода. Кира подошла к ближайшей и посветила внутрь.

Пусто. Ложе, повторяющее форму тела. Ни пыли, ни следа.

Вторая — пусто. Третья — пусто.

— Ещё пусто, — сказала она вслух, потому что тишина начинала давить на уши. — Кто бы тут ни жил, съехали без предупреждения. И даже кровати не заправили.

Пыль всё-таки была. Не внутри — на полу, ровным серым ковром, и в этом ковре отпечатывались её сапоги: острые когтистые накладки на носке, отдельный каблук. Кира оглянулась на свою цепочку следов. Единственную. До неё сюда никто не заходил, по крайней мере последние лет сто.

Тогда почему у крайней капсулы на третьем уступе горел свет?

Хвост увидел первым. Он вытянулся в ту сторону, как стрелка компаса, и Кира, вздохнув, пошла за ним.

Капсула светилась изнутри — ровно, мягко, лавандовым. Над крышкой, по краю, шли девять узких прорезей, похожих на следы от когтей. Восемь были тёмными. Девятая тлела.

— А вот это уже невежливо, — сказала Кира.

В ухе щёлкнуло. Связь на Кассии работала через раз, и каждый раз — с такой интонацией, будто делала одолжение.

— Лиса, доклад. — Голос Веры был сухим, далёким и при этом почему-то очень близким. — Ты опять ушла ниже кар-

ты.

— На карте тесно. — Кира не отводила взгляда от прорезей. — Нашла зал. Капсулы. Много.

— Сколько «много»?

— Больше, чем людей в нашей столовой в день раздачи сахара.

На том конце помолчали. Вера всегда молчала, прежде чем сказать важное, и Кира знала эту паузу наизусть — по сотне вылазок, по десяткам раз, когда эта пауза спасала ей жизнь.

— Не открывай ничего, — сказала Вера, — что узнает тебя первым.

Кира подошла ближе. Свет стал теплее. На гладкой стенке под прорезями проступили буквы — не древние, не чужие, а самые обычные, теми же чернилами, какими в Бастионе писали списки на паёк.

КИРА.

Она смотрела на них долго. Достаточно долго, чтобы хвост успел обвиться вокруг её лодыжки — жест, которого она не делала с детства.

— Поздно для хорошего совета, — сказала она наконец.

— Кира?

— Здесь моё имя.

* * *

Ей было четыре, когда она впервые поняла, что имя — это вещь, которую можно потерять.

Отец Ерем рассказывал эту историю иначе. В его версии маленькая Кира просто однажды пришла к нему в нижние ярусы, где пахло машинным маслом и варёной крупой, и сказала, что её зовут Кира, и больше ничего не сказала. Ни фамилии, ни откуда. Ерем не стал спрашивать. Ерем вообще редко спрашивал, он больше кормил.

Но Кира помнила другое. Помнила темноту, в которой было тесно и тепло. Помнила, как темнота треснула. Помнила взрослые голоса, которые говорили слишком громко, и одно слово, которое она держала во рту, как леденец, чтобы никто не отнял: *Кира*. Если она его выплюнет — её не станет. Так она думала в четыре года.

Потом были вентиляционные шахты. Узкие, гулкие, с решётками, через которые видно кухни и казармы. Она знала их лучше, чем дежурные знали свои обходы. Знала, в какой час на третьей раздаче оставляют тёплые пайки без присмотра. Знала, где теплее всего спать — над прачечной, где по трубам идёт горячая вода. Ерем прятал её в обслуживающих ярусах, пока не нашёл способ оформить её сиротой. Это заняло два года. Кира подозревала, что он кого-то подкупил

супом.

Ушки тогда были меньше. Хвост — короче. Над ней смеялись ровно до первой драки, а после первой драки её стали звать Лисой, и это было уже не обидно.

«Сначала посчитай тех, кто вышел», — говорил Ерем, когда в нижних ярусах случалась беда: обвал, пожар, прорыв. Не «кто погиб». Не «кто виноват». *Кто вышел*. С этого начиналась любая помощь.

Кира стояла перед капсулой со своим именем и пыталась посчитать, кто вышел отсюда. Получалось — никто. Сотни ложе, и ни одного следа, кроме её собственного.

* * *

— Буквы свежие, — сказала она, наклоняясь к стенке. — Под слоем пыли. Так не бывает.

— Кира. — Вера сказала это так, как говорят перед выстрелом. — Отойди.

Кира хотела отойти. Честно хотела. Она даже перенесла вес на заднюю ногу. Но хвост — предатель, упрямый белый предатель — скользнул вперёд и коснулся края капсулы самым кончиком.

Буквы вспыхнули ярче.

Крышка не открылась. Она *раскрылась*, как цветок,

внутрь, мягко, без единого звука, и из глубины выдвинулась опора — наклонная, удобная, ровно под её рост. Ровно под её плечи. Ровно под изгиб, где из поясничного крепления выходит хвост.

— Я не сказала «да», — тихо сказала Кира.

Капсула не ответила. Капсулы вообще редко отвечают. Но в этой тишине было что-то от ожидания — как у человека, который придержал дверь и вежливо ждёт, пока ты пройдёшь.

Кира отступила на шаг. Опора не двинулась за ней. Можно было уйти: развернуться, пройти обратно по своей цепочке следов, вернуться в штольню, доложить Вере, нарисовать на карте новый крестик и написать рядом «не лезь». Кто-нибудь потом допишет «уже залез».

Можно было.

Девятая прорезь над капсулой пульсировала. В такт — Кира поняла это не сразу — её собственному сердцу. И в такт треугольнику на нагрудной пластине её брони, который она с детства считала просто индикатором заряда, просто маджентовой лампочкой, которую Грета в мастерской ставила на каждый разведкостюм.

Только Грета никогда не говорила, зачем.

— Вера, — сказала Кира, и собственный голос показался ей чужим, слишком спокойным. — Если связь…

— Отойди от неё.

Она протянула руку.

Перчатка коснулась опоры. Тёплой. Живой.

Под ногами дрогнул пол — весь зал разом, все сотни пустых капсул. Где-то наверху, под невидимым потолком, вспыхнули линии: сиреневые, тонкие, разбегающиеся во все стороны, как трещины по льду. На долю секунды Кире показалось, что за её спиной не один хвост, а несколько, полупрозрачных, светящихся, — восемь световых следов, растянутых веером. Она моргнула, и их не стало.

Низкий голос, не мужской и не женский, не громкий и не тихий, прозвучал не в ухе, а сразу везде — в стенах, в полу, в её собственных костях:

— Девятая. Адрес подтверждён.

— Меня зовут… — начала Кира.

Свет не дал ей закончить.

* * *

Последнее, что она услышала с Кассии-IV, был голос Веры. Не по связи — связь уже рвалась, шипела, ломалась на куски. Голос дошёл как-то иначе, через что-то, что было тоньше радиоволн.

— Кира! Посчитай…

Дальше — ничего.

Свет был не белым. Свет был всеми цветами сразу, и он

шёл не снаружи, а изнутри — из треугольника на груди, из ушей, из каждого сегмента хвоста. Кира попробовала закрыть глаза и не нашла их. Попробовала вдохнуть и не нашла лёгких. Был только свет и одно слово, которое она держала во рту, как в четыре года, чтобы никто не отнял.

Кира.

Если она его выплюнет — её не станет.

Она держала.

Где-то очень далеко — дальше, чем звёзды над Кассией, дальше, чем любая карта, — что-то огромное и тёплое повернулось к ней, как поворачивается спящий на звук знакомых шагов. И сказало, без слов, одним только движением навстречу: *наконец-то*.

Кира хотела ответить, что её не спрашивали.

Но свет уже кончился, и вместе с ним кончилось всё остальное.

Глава 2. Имя, которое осталось

Сначала вернулась тяжесть.

Не боль — боль Кира узнала бы, с болью у неё были давние деловые отношения. Тяжесть была другой: ровной, тёплой, со всех сторон сразу, как одеяло, которое кто-то подоткнул слишком старательно. Она лежала на спине, но не плашмя. Под лопатками шёл наклон, под поясницей — выемка, и в эту выемку аккуратно, без складок, был уложен хвост.

Кто-то знал, куда класть её хвост.

Эта мысль разбудила её лучше любого сигнала тревоги.

Кира открыла глаза. Белое. Не больничное, не снежное — белое, как внутренность раковины, с едва заметным перламутром на изгибах. Потолок был близко и высоко одновременно: прямо над ней нависал гладкий край ниши, а за краем уходил вверх свод, и где-то там, под сводом, ровно и беззвучно горел свет без лампы.

Она подняла правую руку. Перчатка. Её перчатка, с тёмными пальцами и потёртостью на указательном, где цеплялся спусковой крючок. Пальцы согнулись по очереди: большой, указательный, средний. Безымянный чуть запоздал. Мизинец послушался последним, будто его разбудили отдельно.

— Пять, — сказала Кира хрипло. — Хорошо. Начнём с

малого.

Голос был её. Это тоже было хорошо.

Она села. Опора под спиной мягко подалась вперёд, помогая, и Кира чуть не отмахнулась от неё, как от слишком заботливой соседки по казарме. Ладони сами нашли уши. Пластины на месте, гладкие, прохладные, крепления сбоку целы. Внутри, под бронёй, уши дёрнулись от прикосновения — живые, свои, недовольные. Потом рука пошла за спину, к поясничному креплению, и дальше, по сегментам, до мягкого.

Хвост обвился вокруг её запястья и замер. Как пёс, которого хозяин нашёл после грозы.

— Тоже не понял, где мы, да? — шепнула она ему.

Хвост не понял. Это было видно по кончику: розовый мех топорщился.

* * *

Зал был узким и высоким. Девять ниш шли по стене полукругом, каждая — в рост человека, каждая с наклонной опорой внутри. Восемь стояли тёмными. Девятая — её — светилась изнутри тем же лавандовым, что и капсула на Кассии. Над нишей, прямо в белом камне, были выбиты буквы. Не чернилами, как там, а резцом, глубоко.

С одной стороны — знаки, которых она не знала, и рядом, мельче, что-то похожее на номер: «S09». С другой — КИРА.

Кира смотрела на это соседство и думала, что так в Бастионе подписывали ящики на складе: инвентарный номер слева, а справа кто-нибудь от руки, для своих, — «тушёнка» или «не трогать, Гретино».

Сбоку от ниш, на низкой подставке, стояла чаша. Каменная, широкая, с трещиной от края до самого дна. Внизу у подножия лежала плита с теми же чужими знаками и с тем же номером, а под номером короткая строка, которую её глаза почему-то прочли, хотя прочесть не могли: *согласование*.

— Испытание не завершено, Девятая.

Голос раздался отовсюду. Тот же, что в зале капсул, — и не тот. Там он был низким и огромным, как гул под землёй. Здесь стал меньше, теплее, собраннее. Так говорит человек, который зашёл в комнату к больному и присел на край кровати.

Хвост соскользнул с запястья и встал за спиной дыбом.

— А начало кто-нибудь записал? — спросила Кира.

— Назови себя.

Она открыла рот, чтобы ответить сразу, и вдруг поняла, что не может сказать, сколько ей лет.

Это было глупо. Это было так глупо, что она даже рассердилась. Она знала свой возраст. Она знала его всегда — его писали в ведомостях, в личном деле разведчицы, Ерем называл его каждый раз на день, который сам когда-то назначил

ей днём рождения. Цифра была там, где лежат такие вещи. Кира протянула к ней руку — мысленно, как в темноте тянутся к выключателю, — и рука ушла в пустоту.

Она потянулась за другим. Номер её комнаты. Позывной Веры. Цвет двери в мастерской Греты. Что-то отзывалось, что-то нет. Память была как рюкзак, который уронили с высоты: всё вроде бы здесь, но лежит не там, банка раскрылась, и половина вещей перемазана чем-то липким.

Одно слово лежало сверху. Целое. Не помятое.

— Кира, — сказала она. — Кажется, это единственное, что не разлетелось.

— Имя сохранено. Хорошо.

«Хорошо» было сказано с той же интонацией, с какой лазаретный врач в Бастионе говорил «пульс есть». Кира поморщилась. Её не нужно было хвалить за то, что она помнит, как её зовут. Её нужно было вернуть туда, где это помнят без проверки.

— Где Вера?

— В твоей памяти есть человек с таким именем.

— Очень содержательно. — Уши прижались. — Где человек вне моей памяти?

Короткая пауза. Не такая, как у Веры, — у Веры пауза была тяжёлой, в ней что-то взвешивали. Эта была гладкой. Как вдох, который делают не потому, что нужен воздух, а потому, что так принято.

— Сейчас я не вижу её. Я вижу тебя.

Кира медленно выдохнула. *Я вижу тебя*— это было сказано мягко, почти нежно, и от этой нежности по спине пошёл холод. В вентиляции Бастиона она научилась одной простой вещи: когда кто-то говорит «я тебя вижу», надо сразу понять, откуда он смотрит.

Она огляделась. Ни глазка, ни линзы, ни решётки. Белый камень. Ниши. Свет без лампы.

— Тогда начни с места, — сказала она.

— Святилище Девяти. Безопасная зона восстановления.

— Безопасные места обычно не называют меня номером.

— Как ты предпочитаешь?

Вопрос был задан вежливо и с искренним, кажется, интересом. Будто голос записывал. Будто в каком-то невидимом списке напротив «S09» сейчас появлялась пометка: *предпочитает имя*.

— Ты уже слышала, — сказала Кира.

— Кира. — Голос произнёс это аккуратно, бережно, словно пробовал новое блюдо. — Пройди к свету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.